

Г. Б. Романовский*

К ВОПРОСУ ОБ ЭВТАНАЗИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Некоторые заболевания вызывают сильные физические и нравственные страдания. Боль нередко является следствием болезни, имеющей смертельный исход. Медицина всегда задумывалась над тем, как облегчить страдания больного. Нередко, когда исход предрешён — только смерть — врачи задаются вопросом, зачем продолжать муки пациента искусственным поддержанием жизни? Нелегче ли облегчить его участь, сделав смертельную инъекцию, дав тем самым облегчение? В медицине, философии, юриспруденции такое деяние получило название «эвтаназия». Подобные вопросы задавались в истории человечества издревле. Решались они по-разному.

Античность предъявляла высокие требования к качеству жизни, ставя превыше всего доблесть, красоту, здоровье. Жизнь, лишённая таких достоинств, не воспринималась как самоценность. Подобные установки способствовали воспеванию добровольного прекращения жизни. Известна история Геракла, которая была полна подвигов, но омрачена страшным концом. Месть, коварство, неверие сыграли с ним злую шутку. Собственная супруга дала ему отравленную одежду, которая стала приносить ему мучительные страдания. Геракл, предвидя неминуемую смерть, обращается к своему сыну Гиллу:

— Исполни же мою последнюю волю, Гилл! Отнеси с моими верными друзьями меня на высокую Оэту, на её вершине сложи погребальный костёр и подожги его. О, сделай это скорей, прекрати мои страдания!

— О, сжался, отец, неужели ты заставляешь меня быть твоим убийцей! — умоляет Гилл отца.

— Нет, не убийцей будешь ты, а целителем моих страданий!¹

Несмотря на такой, может быть, бесславный конец, миф не содержит осуждения такого поступка. Более того, Геракл возносится греческими богами на гору Олимп и становится равным им. Это своеобразная награда за его подвиги и страдания. Как видно, данная история не представляет преднамеренный уход из жизни как порочный поступок. Гилл мучается своим поступком, но не потому, что самоубийство — тяжкий грех, а только потому, что именно ему надо исполнить последнюю волю отца. Он так и не смог зажечь погребальный костер, это сделал друг Геракла Филоктет. Греческая мифология рисует яркие картины, так как поступки ее героев влекут за собой определенные последствия. Но поступки Гилла и Филоктета не навлекают на них возмездия ни со стороны людей, ни со стороны греческих богов.

Античное общество, как уже говорилось выше, относилось к жизни не как к самому ценному благу. Тем более что медицина не обладала широкими познаниями, что предопределяло выбор при мучительных страданиях в пользу скорейшего ухода от них при помощи самоубийства. Складывалась целая «культура смерти». Следует отметить, что функциональный подход к человеческой жизни предполагал обоснование избавления общества от так называемого «балласта». В последнее понятие включались умалишенные, новорожденные с врождёнными недостатками, пожилые люди. Тем самым древнее общество вырабатывало искусственные евгенические мероприятия. Плутарх, описывая нравы спартанского общества, представляет целую программу эвтаназии: «Воспитание ребёнка не зависело от

© Романовский Г. Б., 2007

* доцент кафедры правосудия Пензенского государственного университета (Пенза, Российская Федерация) кандидат юридических наук, доцент

¹ Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. — М., 1988. — С. 191.

воли отца, — он приносил его в «лесху», место где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребёнка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых кидали в «апотеты», пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь новорождённого была также бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для испытания здоровья новорождённого мыли его не в воде, а в вине, — говорят, эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые же от него становятся ещё более крепкими и сильными»². Обычай умерщвления новорождённых с врождёнными недостатками был характерен для многих первобытных обществ и не считался убийством вообще. Младенец, отличавшийся исключительным уродством, с лёгкостью лишался жизни по Законам XII таблиц³. Ограничения, которые были установлены ещё легендарным Ромулом, касались лишь недопущения злоупотреблений родительской властью: ребенка необходимо показать пятерым ближайшим соседям⁴.

Считалось, что тем самым преследуются благие цели, причём как для социума в целом, так и для самого новорожденного. Древним людям приходилось постоянно сталкиваться с тяготами жизни. Велись жестокие войны, стихийные бедствия, болезни. При отсутствии квалифицированной медицины дети-калеки были серьёзной обузой. Одновременно они не могли выполнять определённые социальные обязанности: защита отечества, добывание пищи, ведение завоевательных войн и т. д. При этом такие дети были обречены на постоянные страдания. Даже если их и оставляли в живых, они практически были изгоями общества.

Аналогичные обычаи существовали по отношению к старикам и получившим смертельные заболевания. Можно привести положения из знаменитого Платоновского диалога «Государство»:

— ... В случае же внутренних болезней, продолжающихся всю жизнь, Асклепий не делал попыток чуть-чуть облегчить положение больного и, изменяя его образ жизни и затягивая болезнь, удлинить человеку никчёмную его жизнь да ещё дать ему случай произвести, естественно, такое же точно потомство. Как в положенный человеку срок не способен жить, того, считал Асклепий, не нужно и лечить, потому что такой человек бесполезен и для себя, и для общества.

— Ты утверждаешь, что Асклепий заботился об обществе?

— Это очевидно ... жизнь человека, от природы болезненного, да к тому же ещё невоздержного Асклепиады находили бесполезной и для него самого, и для окружающих, так что, считали они, не стоит за ним ухаживать и его лечить, будь он даже богаче Мидаса»⁵.

Многие древние общества знают свои «скалы предков», с которых сбрасывали немощных стариков (либо они сбрасывались сами). Дети относили в горы своих родителей, достигших преклонного возраста. Причём общественные правила не интересовало, каково здоровье этих людей. Как только человеку исполнялось некое количество лет, община списывала с себя обязанность по его содержанию. Его отправляли в установленное место, где он мог прожить уже только то время, которое позволяли собственные силы. Аналогичные обычаи существовали у кельтов, готов, викингов, у некоторых северных народов. Нельзя не сказать, что именно в это время рождается клятва Гиппократова, в которой есть и такие слова: «Я не дам никому

² Жизнеописание Ликурга // Плутарх. Избранные жизнеописания. В двух томах. — М., 1986. — Том 1. — С. 108.

³ Памятники Римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М., 1997. — С. 6.

⁴ См.: *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. — М., 1999. — С. 372-373.

⁵ Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. — М., 1994. — Т. 3. — С. 175-176.

просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла».

Сенека, известный как родоначальник позднеримского гуманизма, практически впервые гласно осудивший рабство, признаёт в «Нравственных письмах к Луцилию» за добровольным уходом из жизни из-за болезни право на существование: «Ведь всё дело в том, что продлевать — жизнь или смерть. Но если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести на волю измученную душу? И может быть, это следует сделать немного раньше должного, чтобы в должный срок не оказаться бессильным это сделать. И поскольку жалкая жизнь куда страшнее скорой смерти, глуп тот, кто не отказывается от короткой отсрочки, чтобы этой ценой откупиться от большой опасности. Лишь немногих долгая старость привела к смерти, не доставив страданий, но многим их бездейственная жизнь как бы даже и не пригодилась. Что ж по-твоему, более жестокая участь — потерять кусочек жизни, которая и так кончится?... Я не стану бежать в смерть от болезни, лишь бы она была излечима и не затрагивала души; я не наложу на себя руки от боли, ведь умереть так — значит, сдаться. Но если я буду знать, что придётся терпеть её постоянно, я уйду, не из-за самой боли, а из-за того, что она будет мешать всему, ради чего мы живём»⁶.

Э. Дюркгейм, анализируя обычаи древности, вывел понятие предписываемого самоубийства, когда нормы поведения обязывали покончить с собой. Вряд ли при таком методе социального регулирования можно говорить об эвтаназии, как о достойном способе ухода из жизни. За целыми категориями людей общество не признавало право на существование, так как они уже не могли внести свой вклад в процесс развития. Подводя некоторые итоги, можно выделить следующее отношение древнего общества к поднятой проблеме:

1. Одобряется добровольный уход из жизни следующей категории лиц: а) неизлечимо больных, б) переносящих тяжёлые физические мучения, в) душевнобольных, г) престарелых.

2. Допускается умерщвление новорождённых с выявленными врождёнными недостатками.

3. За врачом признаётся право не оказывать медицинскую помощь, которая не приведёт к излечению, а лишь на некоторое время способна продлить жизнь.

4. Подобные правила обосновываются как определённым гуманизмом, так и отсутствием социальной полезности от такой категории людей.

Между тем достойная смерть имела, прежде всего, иное значение в эпоху Древней Греции и Рима, не отождествляясь с уходом от страданий болезненного состояния. Это гибель за свою родину, близких, жертвенность, когда ценою собственной жизни достигается благо для социума. Навряд ли можно говорить об эвтаназии применительно к подвигу воина. Исходя из этого, развивался героический эпос, прославлявший поступки Ахилла, Геракла, Энея и др. Цицерон представлял картину старости как некой идиллии, указывая на преимущества процесса жизненного увядания: «... и как незрелые плоды можно срывать с деревьев только насильно, а спелые и созревшие опадают сами, так у молодых людей жизнь отнимается насильем, а у стариков — увяданием. Именно это состояние, мне, право, столь приятно, что, чем ближе я к смерти, мне кажется, будто я вижу землю и наконец из дальнего морского плавания приду в гавань»⁷.

Исторические примеры стали основой для формулирования термина «эвтаназия» в сочинении Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», определившего облегчение от страданий как обязанность врачебного персонала: «Я совершенно убеждён, что долг врача состоит не только в том, чтобы облегчать

⁶ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. — М., 1977. — С. 101-102.

⁷ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1975. — С. 25.

страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более лёгкой и спокойной, потому что это эвтаназия, о которой так мечтал Август, уже сама по себе является немалым счастьем ...»⁸. Следует отметить, что Бэкон под эвтаназией⁹ понимает отнюдь не умерщвление больного из сострадания, а предоставления эффективного обезболивания, которое бы избавило человека от мучительных страданий. Суть идеи Бэкона в том, чтобы врач не отмахивался от безнадежного пациента, а был с ним до самых последних дней его жизни, облегчая его участь. Бэкон приводит Августа в качестве человека, мечтавшего об эвтаназии, ссылаясь на Светония. По-видимому, чтобы избежать двойных толкований, необходимо процитировать в этой части Светония: «Смерть ему выпала лёгкая, какой он всегда желал. В самом деле, всякий раз, как он слышал, что кто-то умер быстро и без мучений, он молился о такой же доброй смерти для себя и для своих — так он выражался»¹⁰. Это означает, что «эвтаназия» понималась как «лёгкая смерть» без какого-либо ускорения со стороны других лиц, а уж тем более со стороны врача (эвтаназия — греч. *euthanasia*, *eu* — хорошо, *thanatos* — смерть). Вызывает интерес, что Светоний приводит свидетельства того, что сам Август предчувствовал свою смерть, а состояние его здоровья отнюдь не было идеальным. В последние дни своей жизни Август мучился приступами болезни. Светоний пишет: «Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть».

Если анализировать книгу Бэкона, то его вывод основан на том, что эвтаназия — это побудительный мотив каждого врача добиться новых знаний, чтобы неизлечимые болезни перестали быть таковыми. Поэтому достаточно сложно говорить о Бэcone как родоначальнике той эвтаназии, в которую вкладывают современный смысл. Ближе к идее современной эвтаназии стоял Мишель Монтень: «По-моему, невыносимые боли и опасения худшей смерти являются вполне оправданными побуждениями к самоубийству»¹¹.

Христианство стало первой жизнеутверждающей религией во всех ее проявлениях. Следствием стало бескомпромиссное осуждение самоубийства. «Жесткость христианского отношения к самоубийству вообще и к эвтаназии в частности связана с жизнеобеспечивающими основаниями социального бытия человека. Даже такой противник христианства, как Ф. Ницше, признавал, что одна из причин социального признания христианства коренилась именно в его бескомпромиссной борьбе с “неумемной жаждой самоубийства, ставшее столь распространенной ко времени его возникновения”», — отмечает И. Силуянова¹². Однако Библия не содержит прямого указания на запрет эвтаназии. В то же время исследователи приводят два примера, которые можно отчасти отнести к аналогичным случаям¹³. Первый повествует об Авимелехе, неправедным путем ставшим предводителем Сихема, казнившим 70 братьев своих. Во время осады одного из городов одна из женщин бросила ему на голову жернов и проломила череп:

«54. Авимелех тотчас призвал отрока, оруженосца своего, и сказал ему: обнажи меч твой и умертви меня, чтобы не сказали обо мне: «женщина убила его». И пронзил его отрок его, и он умер» (Книга Судей, глава 9).

⁸ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. — М., 1977. — С. 256.

⁹ Термин «эвтаназия» употребляется в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан. В литературе используется целый терминологический ряд — эвтаназия, эвтанасия, эйтаназия.

¹⁰ Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. — М., 1988. — С. 101.

¹¹ Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 1-я и 2-я. — СПб., 1998. — С. 428.

¹² Силуянова И. Современная медицина и православие. — М., 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.wco.ru/biblio (Электронная библиотека православного христианина).

В Библии подводится итог:

«56. Так воздал Бог Авимелеху за злодеяние, которое он сделал отцу своему, убив семьдесят братьев своих».

Как видно, прямого осуждения поступка отрока, либо самого Авимелеха нет, так как такое деяние перекрывается злодеяниями самого Авимелеха. Библия указывает, что искусственный уход от позора быть убитым женщиной не скроет истинной правды, с одной стороны, и не может равняться с братоубийством, с другой стороны. Хотя говорить однозначно, что в данном случае есть пример эвтаназии, можно лишь с долей условности. Авимелех не был немощным или больным. Страдания ему причиняло осознание того, что он умирает от руки женщины, хотя истинной причиной такого бесславного конца были его собственные поступки. Именно поэтому говорить излишне о том, что Авимелех просит убить самого себя.

Второй пример более приближен к современному пониманию эвтаназии. Он касается трагической смерти Саула. Приводится диалог отрока Амаликитянина с Давидом. Отрок рассказывает, что видел, как Саул пал на свое копьё:

«9. Тогда он сказал мне: подойди ко мне, и убей меня; ибо тоска смертная объяла меня, душа моя все еще во мне.

10. И я подошел к нему и убил его, ибо знал, что он не будет жив после своего падения; и взял я венец, бывший на голове его, и запястье, бывшее на руке его, и принес их к господину моему сюда» (Вторая книга Царств, глава 1).

Реакция Давида совершенна другая, чем которую ожидал Амаликитянин:

«14. Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтоб убить помазанника Господня?

15. И призвал Давид одного из отроков, и сказал ему: подойди, убей его. И тот убил его, и он умер.

16. И сказал к нему Давид: кровь твоя на голове твоей; ибо твои уста свидетельствовали на тебя, когда ты говорил: «я убил помазанника Господня».

Некоторые авторы, ссылаясь на приведенные примеры, считают, что они не осуждают эвтаназию и самоубийство. Между тем, такое мнение выглядит в корне неверным. Библия прямо не дает оценки приведенным поступкам потому, что она не различает в данном случае виды убийства. Они одинаково не признаются как благовидные поступки. Поэтому зачем озвучивать специальное осуждение частного случая, если есть общая отрицательная оценка. В последствии Христос взошел на крест, претерпев невыносимые страдания, которые стали символом борьбы за веру. «Мы всегда и всем проповедуем Христа распятого и воскресшего для спасения каждого человека, проповедуем, что жизнь наша в Его руках, что все то, что случается с нами, происходит для нашего спасения, что мы не имеем права исправлять Божьи планы, что эвтаназия, несмотря на то, что говорит о достоинстве, является феноменом упадка общества, феноменом игнорирования человека», — указывалось в выступлении Архиепископа Афинского и всея Эллады Христудула на научном симпозиуме в г. Фессалоники 17 мая 2002 года¹⁴. Папа Римский в Послании к X Всемирному дню больных и работников здравоохранения в 2001 году отмечал: «Последние достижения в области медицины накладывают на всех нас огромную ответственность перед жизнью, которая неизменно является даром Божиим, несмотря на этапы и условия своего развития. Мы должны быть бдительными перед лицом любых форм насилия и преступлений против жизни»¹⁵.

¹³ Сандерс П. Эвтаназия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Христианский медицинский сервер: http://www.cmserwer.org/43/49_1.htm.

¹⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=575&did=1174>.

¹⁵ Приложение к газете «Свет Евангелия». — 2002. — № 2.